

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

А. Г. ГРОДЕЦКАЯ

**ОТВЕТЫ
ПРЕДАНИЯ:
жития святых
в духовном поиске
ЛЬВА ТОЛСТОГО**

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
«НАУКА»
2000

УДК 82/821.0

ББК 83.3 (2 Рос-Рус)

Г 86

Ответственный редактор

Г. Я. ГАЛАГАН

Рецензенты — М. В. Рождественская, О. В. Сливичкая

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ),
проект № 00-04-16116д*

ТП-2001-І-№ 116

ISBN 5-02-028469-6

© Издательство «Наука», 2000

ПРЕДИСЛОВИЕ

Памятники древнерусской письменности наряду с фольклором Толстой относил к разряду «народной поэзии», под поэзией понимая, как и его современники, литературу в целом.¹ Нет необходимости лишней раз доказывать, что интерес Толстого к «народной поэзии» сохранился на протяжении всей жизни, что предпочтение он отдавал несомненно устным формам, собственно фольклору, а не древнерусской письменности, и что фокус этого интереса менялся: после «переворота» он был преимущественно направлен на произведения духовно-назидательного содержания. Будучи противником любого узкоспециального знания, не имея «антикварных» пристрастий Н. С. Лескова (яснополянскую библиотеку составляют общедоступные издания XIX в., в ней нет раритетов),² Толстой прекрасно знал круг традиционного «душеполезного» народного чтения. Главным источником его знания был непосредственный опыт наблюдения и изучения народного читателя. Что касается книжных источников, то

¹ О широком толстовском взгляде на «народную литературу», объединявшем устную и письменную традиции, см.: *Курьянова Е. Н.* 1) Мотивы народного эпоса и древней литературы в произведениях Л. Н. Толстого // *Рус. лит.* 1963. № 2. С. 163; 2) Эстетика Л. Н. Толстого. М.; Л., 1966. С. 240 и след.; также: *Зайденштур Э. В.* Толстой и русское народное творчество // Л. Н. Толстой и русская литературно-общественная мысль. Л., 1979. С. 34—65; *Фортуатов Н. М.* Л. Н. Толстой // *Русская литература и фольклор (конец XIX в.)* / Отв. ред. А. А. Горелов. Л., 1987. С. 9—56; и др.

² См.: Библиотека Льва Николаевича Толстого в Ясной Поляне: Библиогр. опис. М., 1972, 1975, 1978. Т. 1 (ч. 1—2)—2. Далее: *Библиотека*.

Четы Миней и Пролог не один раз на протяжении 1870—1880-х гг. были им внимательнейшим образом прочитаны и исследованы: в Четых Минях множество помет писателя, в Прологе — десятки его закладок.¹ Знал Толстой также легенды и духовные стихи, т.е. устные формы бытования средневековых книжных сюжетов, опять-таки главным образом из непосредственного опыта, собирая и записывая легендарные истории, в том числе и житийные. Кроме того, он неоднократно обращался к известным собраниям А. Н. Афанасьева и П. А. Бессонова.² С издателем «Калек переходных» Толстой был дружен. Отчасти и благодаря личному знакомству с П. А. Бессоновым, П. Д. Голохвастовым, Ф. И. Буслаевым, архимандритом Леонидом (Л. А. Кавелиным) и другими Толстой находился в курсе археографических исследований и открытий своего времени, хотя встречи с «профессорами», как известно, убеждали его только в одном: «Ученый и жизнь разделены»; профессора, «хоть и знают, не понимают».³

Яснополянское затворничество не могло полностью изолировать писателя от того громадного подъема общего интереса к национальному про-

¹ Имеются в виду Четы Миней Димитрия Ростовского. Толстой пользовался изданиями: [Димитрий Ростовский]. Книга Житий Святых... 5-е изд. М., 1864. Т. 1—2, 4—12 (т. 3 (мартовская часть) в библиотеке писателя утрачен); Пролог... В 4 т. М., [1875].

² «Народные русские легенды» А. Н. Афанасьева (М., 1861) в яснополянской библиотеке отсутствуют, в «Калек переходных» П. А. Бессонова (М., 1861—1864) имеются пометы Толстого. См.: Библиотека. Т. 1, ч. 1. С. 89—91.

³ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. М.; Л., 1957. Т. 21. С. 598; М.; Л., 1953. Т. 61. С. 247. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы.

шлону, которым отмечена вторая половина XIX в., открывшая древнерусскую литературу, живопись, архитектуру, музыку. На 1860—1880-е гг. приходится широчайшая деятельность по собиранию, изданию, исследованию, популяризации памятников древней литературы. Толстой в эти годы приобретает издания Археографической комиссии (два выпуска Великих Миней Четьих митрополита Макария, один из томов Полного собрания русских летописей),¹ «Житие протопopa Аввакума», опубликованное Н. С. Тихонравовым в 1861 г., «Памятники старинной русской литературы» Г. Кушелева-Безбородко (СПб., 1860—1862), «Летописи литературы и древностей» Н. С. Тихонравова (М., 1859—1863), широко известные исследования о житиях В. О. Ключевского и Н. П. Барсукова² и многое другое. Это контекст времени, так или иначе воздействовавший на Толстого. Однако решающими всегда оставались его внутренние мировоззренческие и творческие установки.

«Изучение книг, ходящих в народе» (8, 61), уже в педагогических статьях 1860-х гг. Толстой определяет как основу своих новых методов преподавания в народной школе. В «образовании нравственных убеждений», по его мысли, книги, «писанные не для народа, а из народа» (8, 60), играют огромную роль. «Нельзя поверить, не испытав этого, с какой постоянной новой охотой

¹ Великие Миней Четьих, собранные митрополитом Макарием. Сентябрь, дни 1—13. СПб., 1868; Октябрь, дни 1—3. СПб., 1870 (далее — ВМЧ); Летопись по Ипатскому списку. СПб., 1871.

² Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871; Барсуков Н. П. Источники русской агнографии. СПб., 1882.

читаются все без исключения подобного рода книги», — пишет Толстой, перечисляя сборники народных сказок, былин, песен, пословиц, загадок и рядом с ними называя «летописи и все без исключения памятники древней литературы» (8, 61). В открывавшем журнал «Ясная Поляна» программном «Предисловии к истории Матвея» (1862) в ряду любимых народом книг упоминаются и Четьи Минеи (см.: 8, 363).

Признание «законными» требований и вкусов народного читателя приводит Толстого к утверждению нового взгляда на цели и методы народного образования: «...задача школы (...) состоит в передаче всего выработанного и сознанного народом и в отвечании на те вопросы, которые жизнь представляет человеку» (8, 17), в «уразумении тех законов, которые страданиями выработало человечество» (8, 23). Та же цель в толстовской «Исповеди» (1879—1884) почти дословно (ср.: 23, 46) будет сформулирована уже не как только педагогическая задача, но как общая цель «постигновения жизни». «Народная литература» и была хранилищем «страданиями выработанного» знания, необходимого для «отвечания» на те важнейшие вопросы, которые Толстой называл «вопросами жизни».

В начале 1870-х гг., в период идейных и творческих переоценок и очередного «ухода» из литературы, в письмах к Н. Н. Страху (много раз цитированных) Толстой высказывает мысль о неизбежном и спасительном «возрождении в народности» (61, 274), спасительном не только для литературы, но для духовной жизни общества в целом. Знаменитая парабола в письме Страху от 3 марта 1872 г. представляет собой схему «выплавания» современной литературы и науки,

«нерешительной и дрянной», к тому «твердому и величавому», «определенному, ясному и красиво-му», что находит Толстой в «народной поэзии и языке и жизни» (61, 275, 278). В основе изложенного Страху творческого кредо писателя («Я изменил приемы своего писания и язык...») лежит некий открытый им и здесь же демонстрируемый общий закон постоянного умирания «литературы» («...в наше время (...) упадок поэтического творчества (...) даже не упадок, а смерть...»; «...Пушкинский период умер совсем, сошел на нет»; «Бедная Лиза выжимала слезы, и ее хвалили, а ведь никто никогда уже не прочтет...») и постоянного выживания «народной поэзии», ее бессмертия. Осмысленная пока лишь в плане эстетическом, здесь возникает центральная проблема позднего Толстого — проблема выбора между «путем жизни» и «путем смерти», спасением и гибелью. Значительность самого вопроса о выборе между идейно-художественными принципами литературы «нашей» и литературы «народной» и значительность результатов этого выбора заставляют Толстого признаться: «Правда, что ни одному французу, немцу, англичанину не придет в голову, если он не сумасшедший, остановиться на моем месте и задуматься о том — не ложные ли приемы, не ложный ли язык тот, которым мы пишем и я писал...» (61, 277—278).

О том значении, которое в начале 1870-х гг. Толстой придавал литературе церковнославянской, т. е. книжной части «народной литературы», говорит включенный в «Азбуку» (1872) обширный «славянский» раздел и настойчиво и многократно высказанное писателем публично убеждение в необходимости специального изуче-

ния в народной школе церковнославянского языка чтобы эту литературу знать.¹ Характерно свидетельство Н. Н. Страхова. Как никто в эти годы близкий Толстому, обладавший дорого им ценимой «способностью (*необычайной*) понимать других» (62, 380),² Страхов не раз выступал в печати истолкователем его идей. Откликаясь на статью Толстого «О народном образовании» (1874), повторяя ее центральную мысль о невозможности «развивать» народ, он писал: «...в народе есть культурные начала, и педагогика должна им *служить*, как учитель служит той науке, которую преподает. У народа есть язык, религия, есть даже своя любимая литература — церковнославянская...».³

С конца 1870-х гг. понятие «народная литература» Толстой заменяет другим, более емким, — понятием «предание» с совершенно определенным вероучительным содержанием. В записной книжке 1878 г. автор только что законченной «Анны Карениной» излагает «не доказательство, но объяснение форм» своей веры. Придя к убеждению, что разумная мысль не дает ответа на вопрос «как спастись?» и что ответы «самые понятные и доступные» дает религия, Толстой заключает: «Все (...) ответы выражены *преданием* действий, жизни» (48, 188; здесь и ниже курсив мой. — А. Г.). В 1881 г. Софья Андреевна запи-

сывает в дневнике: «„Христианство живет в *преданиях*, в духе народа, бессознательно, но твердо“. Вот его слова».¹ К тому же выводу Толстой пришел в «Исповеди»: народ черпает смысл жизни из «всего вероучения, переданного и передаваемого ему пастырями и *преданием*, живущим в народе и выражающимся в легендах, пословицах, рассказах» (23, 47). В главе XII «Исповеди» в притче о пловце предание названо *направлением*, держась которого только и возможно «выгрести к берегу» — к Богу. В трактате «Так что же нам делать?» (1882—1886) говорится о «данном хозяином *направлении*»: «И *направление* это дано так очевидно несомненно, и во всей и жизни окружающих нас людей, и в совести каждого человека, во всем выражении мудрости людей...» (25, 402).

На пути «постигновения жизни» Толстой выделяет «ступени» или «круги». Следуя логике поисков истины героем «Исповеди», и не только «Исповеди», можно определить три «круга» познания у Толстого. Начало любого знания — личный духовный опыт человека. Вне этого опыта «искание общего смысла жизни» превращается в «соблазн праздного умствования» (23, 43). Но «вмученное» индивидуальное знание не является истиной конечной и бесспорной. Так, «поблуждением оборачивается горькая истина героя «Исповеди» (и Анны Карениной) о зле и бессмыслице жизни. Неизбежным становится расширение границ индивидуального опыта. «Я отплынул шире вокруг себя», — несколько раз

¹ Подробнее см. в главе 1.

² Характеристику Страхова см. в письме к нему Толстого от 27 января 1878 г.

³ *Страхов Н.* О народном образовании (статья гр. Л. Н. Толстого в «Отечественных записках» 1874 г., сентябрь) // Зелинский В. Русская критическая литература о произведениях Л. Н. Толстого. М., 1901. Ч. 7: Статьи педагогические. С. 131.

¹ *Толстая С. А.* Дневники: В 2 т. М., 1978. Т. 1: 1862—1900, С. 507.

повторяет автор «Исповеди», определяя тем самым второй «круг» познания — знание окружающих. Обнаружив разногласия мнений и здесь, Толстой, наконец, обращается к «кругу» последнему и важнейшему — к преданию, к знанию «миллиардов отживших», к тому, что «выработало для руководства своего всё человечество» (23, 46). В «руководстве» нельзя сомневаться, «направление» не может быть ложным, им как единой и бесспорной истиной поверяется любой индивидуальный опыт. Читая в 1880 г. «Книгу о заблуждениях и истине» Л.-К. Сен-Мартена, Толстой ту же мысль заносит в записную книжку: «Закон нравственный, написанный в моем сердце и *подтвержденный преданием*. С. 210, необычайно! Я трудом, муками дошел до того самого» (48, 350).

В предании Толстой ценит не столько авторитет древности, сколько авторитет сохраненности: отбирается, хранится и передается народом только самое нужное. Очевидно, что в его вероучительной системе предание выполняет ту же роль, что Священное Предание в богословии. Место предания «ложного» занимает предание «истинное» — народное, во-первых, и выраженное не словом, а делом, во-вторых. Нет необходимости говорить о значении народности для Толстого, но и второй критерий, судя по многочисленным высказываниям писателя, был не менее важен. Толстой пишет в «Исповеди», что его не убеждали никакие рассуждения, «только действия» (23, 38). «Вера выражается и передается не словом, а делом, примером» (48, 190); «верили и верят только делам» (23, 302) — эта мысль, повторяющая главную заповедь апостола Иакова,

постоянно звучит в его статьях и трактатах.¹ Для Толстого авторитетна не церковно-догматическая, а легендарно-беллетристическая часть вероучения — ставшие «преданием» примеры исповедания христианства жизнью, поступком, делом. Этому требованию отвечали народные легенды и рассказы, о которых речь идет в «Исповеди», и отнесенные (в черновых ее редакциях) к тому же «чисто христианскому» источнику «жития подвижников и мучеников (...) примеры подвигов жизни людей из народа» (23, 508).

Все это как будто не ново. Трехуровневая структура обобщений (единичное — общее — всеобщее) составляет принадлежность философского познания как такового, а проекция на общечеловеческие ценности присутствует в любом произведении большой литературы. Однако система художественно-философских обобщений Толстого имеет свои резко выраженные «авторские» особенности (помимо ее социальной, национальной доминанты). Субъективное знание и субъективный опыт, несмотря на абсолютную роль «ответов» предания, сохраняют в этой системе также абсолютную ценность. Основные постулаты Толстого — «самобытность» как единственно возможный принцип творчества, «доверие к себе» как единственно верный метод любого, в том числе и религиозно-философского, познания: «Психология основана на наблюдениях над я. Свойства, силы человека, выведенные из себя» (17, 359); «Судить мы можем только по себе. (...) Для того чтобы описать че-

¹ Ср. в дневнике: «Вера Христова вся в деле, а не в исповедании — исповедание делом» (51, 94).

ловека — пускай это будет Христос, — надо описывать, судя по себе (иначе и нельзя)...» (67, 112—113); «...изучать жизнь в других существах, не имея определения своей жизни, это всё равно что описывать окружность, не имея центра ее» (25, 437).¹ И так далее.

Этот крайний толстовский субъективизм определил и его отношение к «преданию». И здесь Толстой был избирателен и пристрастен. Показательно его признание в письме Страхову от 27 января 1878 г.: «Одна проверка, которой я подвергаю и всегда буду подвергать эти предания, это то, согласны ли даваемые ответы с смутным одиночным ответом, начертанным у меня в глубине сознания...» (62, 381). «Знание миллиардов отживших» предстает у Толстого сильно окрашенным его индивидуальностью.

Крайне обособленные, антитетические по сути и при этом самоценные категории «личного» и «общего» именно по причине своей разъединенности постоянно стремятся у Толстого к слиянию. Поиск «сопряжения» личной и общей жизни, личного и общего блага составляет центральную проблему толстовской онтологии и этики, в его модели познания личное и общее знания, чтобы стать истинными, также нуждаются в совпадении и взаимоподтверждении. Дневники Толстого свидетельствуют, что всякий раз это совпадение, как в случае с чтением Сен-Марте-

¹ По известному определению Вл. Соловьева, социально-религиозные воззрения Толстого именно в силу их крайней субъективности представляют собой «лишь „феноменологию“ его собственного духа и в этом смысле имеют, конечно, значительный интерес, но не подлежат опровержениям» (Соловьев В. С. Соч.: В 2 т. М., 1989. Т. 1. С. 613).

на, так и в случае с Бондаревым и Сютяевым, Канто и Паскалем и многими другими, поражало его как чудо.¹ И вместе с тем осознавалось как неизбежность, как «закон». Это явление чудесно-неизбежного единения «личного» и «общего», части и целого описано в эпилоге «Анны Карениной»: личное смутно-интуитивное нравственное ощущение героя здесь подтверждается и проясняется вечным нравственным знанием мужа.

Принцип совпадения особенно важен для понимания природы и функций традиционных элементов в художественных произведениях Толстого. Требование «самобытности» в эстетике писателя выразилось, как известно, в отрицании любого рода «литературности» — «литературы литературы», «поэзии поэзии» (48, 112, 113), в отрицании каких бы то ни было «подражаний» и «заимствований», с помощью которых создается, по его убеждению, не искусство, а «подобие искусства», «подделка под искусство» (30, 111, 112): «...всякое заимствование целых сюжетов или различных сцен, положений, описаний есть только отражение искусства, подобие его, а не искусство» (30, 116). К «подделкам», кстати говоря, Толстой относил и «заимствования из греческого, древнего, христианского и мифологического мира» (30, 113). Отсюда такое принципиальное свойство его поэтики, как нецитатность, отсутствие литературных аллюзий, лите-

¹ См., например, в дневниковой записи 1910 г.: «Чудное место Паскаля. Не мог не умиляться до слез, читая его и сознавая свое полное единение с этим, умершим сотни лет тому назад, человеком. Каких еще чудес, когда живешь этим чудом?!» (58, 86).

ратурного «субтекста», чуждость любого рода стилизации. (Речь не идет, разумеется, о толстовских переделках сюжетов «народной литературы» и тех его произведениях, которые создавались как иллюстрации евангельских заповедей и писались «на цитату»). Все это крайне затрудняет поиск литературного источника или прототипа, если таковой имелся. Поиск не обеспечен самим толстовским текстом. Связь с литературным прообразом, как правило, скрыта и восстанавливается лишь на основе косвенных свидетельств — параллельного чтения и параллельных художественных замыслов, черновых вариантов и проч. В конечном счете интерпретационная функция любых литературных параллелей в произведениях Толстого снижена. Параллели или прототипы могут быть установлены, но проясняют ли они, изменяют или дополняют и без того предельно полный и очевидно стремящийся к ничему обусловленной постигаемости собственный толстовский текст?

Все сказанное выше в полной мере относится и к агиографической традиции, если встает задача поиска ее отражения и продолжения в творчестве писателя. При отсутствии житийной стилизации, скрытых цитат, упоминания житийных героев и повторения житийных ситуаций усложняется методология исследования. Искать приходится не столько заимствования (хотя есть и заимствования, в первую очередь в «Отце Сергии»), сколько скрытые совпадения. Вопрос же обусловленности этих совпадений конкретным знанием Толстого отступает на второй план.

В творческих записях Толстого конца 1870-х гг., именно тогда, когда им постулируется роль «от-

ветов» предания как «направления», «руководства», как «этических законов» (48, 348), появляется характерная формула: «нельзя иначе». Поясняя присутствие в своих произведениях дьявола, Толстой пишет: «В временной форме *нельзя иначе* выразить зло, как началом зла, дьяволом, захотевшим зло»; «Говорю так, называю Бога и дьявола потому, что *иначе нельзя* сказать того, что я хочу сказать» (48, 350; 90, 129; курсив мой. — А. Г.). Предание содержит не только «страданиями выработанные», неизменные, раз и навсегда данные «ответы», сами «ответы» существуют в раз и навсегда данной форме. Для художественного выражения этического задания, для различения и оценки «должного» и «не должного» — а именно к такой оценочности, моральной однозначности и стремится Толстой в поздних вещах — существовал самый прямой и короткий, уже открытый «преданием» путь. (Предельно отчетливо эти идеи сформулированы в предисловии к сборнику «Цветник» (1886)). Любые новые художественные решения вводили в сторону от этого пути, затемняя «правду должного». Отсюда отказ Толстого от литературного творчества и установка на переложение произведений народного «предания». В поздние годы в творчестве писателя заметно возрастает удельный вес и роль традиционных элементов, в том числе устойчиво оценочной лексики и традиционности оценочных метафор: свет — добро, истина; мрак — зло; звери — страсти и т. п. Совпадение с преданием становится этически и эстетически осознанной необходимостью.

Вопрос о связи творчества Толстого с древнерусской литературной традицией не раз был предметом исследования. Факт обращения писателя в поздних произведениях к сюжетам и темам древнерусской литературы был отмечен еще его современниками, Н. С. Лесковым в первую очередь. Свои выступления в поддержку новых «тенденций» Толстого он расценивал и как первый критический комментарий к его «народным рассказам» и пьесам, указав их ближайшие прототипы в назидательных историях Пролога и в других «старых источниках».¹ К вопросу о литературных корнях «народных рассказов» обратились в 1890-х гг. исследователь и издатель Пролога А. И. Пономарев, сторонник мнения о крайнем вреде «тенденциозных и искаженных» переделок как Толстого, так и Лескова,² и возражавший ему Н. Ф. Сумцов³ (для того и другого, как и для Лескова, степень каноничности или апокрифичности источника определяла и степень

¹ См. его статьи «Лучший богомолец: (Краткая повесть по Прологу с предисловием и послесловием о «тенденциях» гр. Л. Толстого)», «Откуда заимствован сюжет пьесы графа Л. Н. Толстого „Первый винокур“», «О куфельном мужике и проч.», «О рожне. Увет сынам противления» и др.

² См.: Пономарев А. И. Церковно-народные легенды «О Судех Божиих не испытываемых» и рассказ гр. Л. Н. Толстого «Чем люди живы» // Странник. 1894. № 1. С. 36—49. Оценка проложных переложений Лескова и Толстого содержится в предисловии Пономарева к изданию: Памятники древнерусской церковно-учительной литературы / Под ред. проф. А. И. Пономарева. СПб., 1896. Вып. 2: Славяно-русский Пролог. С. XVIII; СПб., 1897. Вып. 3: Поучения о разных истинах веры, жизни и благодатности. С. IV (далее: Пономарев. Памятники).

³ Сумцов Н. Ф. Литературная родня рассказа гр. Л. Н. Толстого «Чем люди живы» // Сборник Харьковского историко-филологического общества. Харьков, 1897. Т. 9. С. 132—139.

ортодоксальности Толстого как христианина); несколько позднее — Н. П. Андреев, Г. З. Кунцевич и другие.¹ Древнерусские книжные прототипы некоторых сюжетов и образов Толстого были указаны Ф. И. Буслаевым, сожалевшим об измене писателя своему поэтическому дарованию ради «аллегорического баснословия».²

Проблема сюжетного источника рано определилась для «Отца Сергия». Первые замечания на этот счет были высказаны уже в 1912 г., сразу после посмертной публикации повести. История поисков житийных прототипов «Отца Сергия» настолько сама по себе интересна и отмечена столь значительными филологическими именами, что заслуживает отдельного изложения.³ Тема «Толстой и древнерусская литература» как самостоятельная историко-литературная проблема оформилась в конце 1950-х—начале 1960-х гг., чему способствовала актуализация в отечественной филологии проблемы национального своеобразия русской литературы, рост научного внимания к вопросам преемственности в ее развитии. Среди работ, открывших тему, можно назвать статьи Е. А. Маймина,⁴ Б. М. Эйхенбау-

¹ Андреев Н. П. «Три старца» Л. Н. Толстого и родственные легенды // Новое дело. Казань, 1922. № 2. С. 25—38; Кунцевич Г. З. «Три старца» Л. Н. Толстого и «Сказание о явлениях Августину» // Историко-литературный сборник, посвященный Вс. И. Срезневскому. Л., 1924. С. 291—296; и др.

² Буслаев Ф. И. Значение романа в наше время // Буслаев Ф. И. Мои досуги. М., 1886. Ч. 2. С. 469—470.

³ См. главу 3.

⁴ См.: Маймин Е. А. Протопоп Аввакум в творчестве Л. Н. Толстого // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1957. Т. XIII. С. 501—505. Вещ случаи непосредственного обращения Толстого к текстам Аввакума Е. А. Майминым проком-

ма, Б. И. Бурсова,¹ уже упоминавшиеся исследования Е. Н. Купреяновой. Заметно раздвинули границы темы работы Е. В. Николаевой,² чьи размышления, в частности о летописности «Войны и мира»,³ были поддержаны и дополнены Д. С. Лихачевым. В своей работе «Лев Толстой и традиции древней русской литературы» Д. С. Лихачев толстовскую тематику, моральные и сюжетные схемы, способы разрешения конфликтов определил как национально-традиционные, обусловленные «этическим взглядом народа».⁴

ментированы; не раз с тех пор рассматривалась и проблема «Аввакумова начала» в творчестве писателя (см., например: Николаева Е. В. О некоторых источниках «Исповеди» Льва Толстого // Литература Древней Руси. М., 1983. Вып. 4. С. 118—132). Однако вопрос об отношении писателя к расколу в целом, отношении откровенно негативном, практически не исследован; он остается за рамками и настоящей работы.

¹ Эйхенбаум Б. М. Черты летописного стиля в литературе XIX века // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1958. Т. XIV. С. 545—550; Бурсов Б. И. Национальное своеобразие русской литературы. М.; Л., 1964. С. 49—50.

² Николаева Е. В. 1) Лев Толстой и древнерусская литература: (Проблема творческого освоения древнерусского литературного наследия): Автореф. дис. канд. филол. наук. М., 1980; 2) Жанр народного рассказа в творчестве Льва Толстого // Жанровое своеобразие произведений русских писателей XVIII—XIX веков. М., 1980. С. 64—70; 3) Древнерусские литературные традиции в становлении жанра народных рассказов Л. Н. Толстого // Литература Древней Руси. М., 1981. С. 127—139; 4) Притча в творчестве Л. Н. Толстого // Литература Древней Руси. М., 1988. С. 114—127; и др.

³ См.: Николаева Е. В. Некоторые черты древнерусской литературы в романе-эпопее Л. Н. Толстого «Война и мир» // Литература Древней Руси. М., 1978. Вып. 2. С. 96—113.

⁴ См.: Лихачев Д. С. Избр. работы: В 3 т. Л., 1987. Т. 3. С. 298—321. Статья представляет собой переработанный доклад, прочитанный в Институте мировой литературы в 1978 г.

Непосредственно агиографическим источником и агиографической традицией в творчестве писателя посвящены исследования как русских, так и западных ученых — В. В. Кускова, С. К. Росовецко-го, А. Опульского, Э. С. Афанасьева, И. А. Юртаевой, Дж. Алиссандратос, П. Честер, У. Вуйчицки и других.

В исследованиях последнего времени наметилась тенденция к переоценке роли церковно-книжных памятников в творчестве Толстого, в ущерб, надо признаться, традиции фольклорной. Как ни разнообразны древнерусские литературные источники в произведениях писателя, как ни убедительны его собственные признания относительно их значения, как ни очевиден его интерес к тем же житиям, не забудем, что в известном письме Толстого к М. М. Ледерле (66, 66—68) со списком лучших книг, влиявших на него в разные годы, былины упомянуты дважды и дважды говорится об «огромном» впечатлении от их чтения. Ни Четых Минеи, ни Пролога в этом списке нет. Ни одного жития не включил Толстой и в «Круг чтения» (1904—1905, 1907—1908), собранный свод ежедневного «душеполезного» чтения, жанрово ориентированный именно на Четьи Минеи и Пролог.

Нельзя не сказать и о том, что отношение писателя к житийной литературе менялось. С 1870-х к 1890-м гг. его оценки изменились радикально. Так, в марте 1871 г. С. А. Толстая записывала в дневнике: «Мечтает написать из древней русской жизни. Читает Четьи Минеи, житие святых и говорит, что это наша русская настоящая поэзия».¹

¹ Толстая С. А. Дневники: В 2 т. Т. 1. С. 499.

Это время работы Толстого над «Азбукой», время, когда он «открывал» для себя памятки агиографии. Напомню и много раз цитированное толстовское признание в «Исповеди»: «Сближался я с народом, слушая его суждения о жизни, о вере, и я всё больше и больше понимал истину. То же было со мной при чтении Четвы-Минеи и Прологов; это стало любимым моим чтением (...) чтение это открывало мне смысл жизни» (23, 52). Однако в 1886 г., готовя к изданию в «Посреднике» житие Юлиании Лазаревской (в переложении Е. С. Некрасовой), Толстой пишет В. Г. Черткову: «Все жития, как только переводятся на простой язык, так сейчас поражают своей искусственностью. Только на славянском или древнем они читаются. И этим обманывают» (85, 328). Здесь речь идет не только об «искусственности», ложности языка, но об ином роде «обмане», смысл которого проясняют письма Толстого более позднего времени. Работая над «Кругом чтения» в 1904 г., он сообщает И. И. Горбунову-Посадову, что в нем в качестве воскресного чтения намеревается поместить «биографии или, скорее, жития не православных (хотя могут быть и эти) святых и мучеников» (75, 166), и обращается к В. В. Стасову с просьбой о присылке книг с биографиями «великих добродетелью людей — вроде житий неканонизированных людей», уточняя: «...мне нужно истинно великих людей не одних русских (русских, допущенных цензурой, даже не может быть: от них тошнит), а всемирных. Биография Джорд(ано) Бруно, Гус, Галилей, Серве...» (75, 178, 179). Как видим, святыми, избегая, впрочем, самого этого понятия, Толстой почитает некано-

низированных и неправославных подвижников, и по большей части — еретиков. В «Круге чтения» в итоге не находится места ни для одного жития и ни для одного канонизированного святого.

Агиография не стала для Толстого «литературным источником» в том смысле, который вкладывал в это понятие Н. С. Лесков, в 1882 г. писавший: «К житиям склонялось внимание многих светских писателей, и притом людей самого противоположного образа мыслей и направления, и все, кто знакомился с этими повестями, находили в них обильный материал для своего вдохновения. Так, например, жития читали Пушкин, Герцен (Искандер), Костомаров, Достоевский и, по слухам, ныне ими же усерднее всех вышеупомянутых занимается граф Лев Н. Толстой. Если последнее справедливо, то от этого можно ожидать многого (...). Человек таких дарований и такого настроения, как граф Л. Толстой, ударив в старый камень священных сказаний, может источить из него струю живую и самую целебную. (...) Известно, как встречены были во Франции „Иродиада“ и „Искушения св. Антония“ в рассказе Флобера. Это буквально был вспрыск свежей струи из-под седого, мхом обросшего камня. (...) Что же мог бы создать в этом роде, например, граф Лев Н. Толстой, под пером которого сравнительно бедный и поэтически вздутый рассказ о „Кавказском пленнике“, освободясь от всякого романтического налета, получил пленительную силу, живость и простую, величавую красоту. То ли сравнительно могут дать жития, полные „духовной красоты“, особенно при возможности путем сравнения всех

редакций добиться черт, по которым художник может верно представить и воспроизвести *облик святого...*».¹

Сложное отношение писателя к идеологии жанра, к житийному мирозерцанию — вопрос почти нетронутый. Агиографическая традиция присутствует в творчестве Толстого как объект сильнейшего тяготения и не менее мощного отторжения. И может быть, именно в отношении к житийной литературе эта духовная динамика, столкновение полярно направленных мощных внутренних импульсов особенно очевидны.

В качестве основного житийного источника в работе используются Четьи Минеи Дмитрия Ростовского с многочисленными пометами писателя, остававшиеся до сих пор, в отличие от Пролога, вне внимания исследователей. Принадлежащий к традиционному «излюбленному чтению русского народа»,² исключительный по полноте и «теплоте» изложения³ житийный свод Дмитрия Ростовского служил Толстому главным источником сведений в области агиографии.

¹ Лесков Н. С. Жития как литературный источник // Н. С. Лесков о литературе и искусстве. Л., 1984. С. 39, 40.

² См.: Шляпкин И. А. Св. Дмитрий Ростовский и его время (1651—1709). СПб., 1891. С. VIII. Ср. запись Ф. М. Достоевского в «Дневнике писателя»: «...по всей земле русской чрезвычайно распространено знание Четьи-Минеи (...) есть чрезвычайно много рассказчиков и рассказниц о житиях святых» (Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1983. Т. 25. С. 214—215).

³ См.: Державин А., прот. Четии-Минеи Святителя Дмитрия, митрополита Ростовского, как церковноисторический и литературный памятник // Богословские труды. М., 1976. Сб. 15. С. 61—130; Сб. 16. С. 46—141.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ЖИТИЙНЫЕ ПАМЯТНИКИ В ИЗДАНИЯХ ТОЛСТОГО. ЛОГИКА ОТБОРА СЮЖЕТОВ

Прежде чем говорить о «рецидивах» агиографического стиля и мышления (так определяя сходное явление Б. М. Эйхенбаум)¹ в художественных произведениях Толстого, необходимо хотя бы приблизительно очертить круг известных ему житийных памятников, установив как степень интереса писателя к агиографии в целом, так и его пристрастия в этой области (в пристрастности Толстого можно быть уверенным заранее). С этой точки зрения надежным свидетельством будут служить тексты, включенные Толстым в различные издания. Сам их подбор может сказать о многом.

Это раздел «Из четьи-минеи»² в славянской части «Азбуки» (1872) и «Славянских книгах для чтения» (1877), а также относящийся к 1874—1875 гг. замысел издания сборника житий для народного чтения. От этого неосуществленного

¹ См.: Эйхенбаум Б. М. Черты летописного стиля в литературе XIX века // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1958. Т. XIV. С. 545—550.

² Сохраняю написание Толстого.